

The image shows a detailed view of a classical architectural facade. At the top, a female figure sculpture stands within a niche, flanked by large, curved, acanthus-like scrolls. Below this, a window is set into a wall of light-colored stone blocks. A prominent horizontal band of intricate carvings, including floral and scrollwork motifs, runs across the middle of the facade. Below this band, another window is visible, partially obscured by the text. The overall style is characteristic of 19th-century Russian Revival architecture.

В.В. Кириллов

Калужские
очерки

Василий Кириллов
Калужские очерки

«Издательские решения»

Кириллов В. В.

Калужские очерки / В. В. Кириллов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853348-8

Данная книга посвящена Калуге и её достопримечательностям. Но это отнюдь не энциклопедический справочник или путеводитель. Каждая из глав публикации независима и представляет собой отдельный рассказ о посещении автором провинциального города в разные периоды времени. В основе изложения — живые впечатления и материалы краеведческой литературы.

ISBN 978-5-44-853348-8

© Кириллов В. В.
© Издательские решения

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава I. Когда я впервые приехал в Калугу	10
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Калужские очерки

Василий Владимирович Кириллов

© Василий Владимирович Кириллов, 2017

ISBN 978-5-4485-3348-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВВЕДЕНИЕ

Калуга... Небольшой провинциальный город в Центральном районе России. Его население по последним подсчётам, которым, надо признаться, можно доверять лишь частично, составляет не более чем 300 тысяч человек. Для нашей страны, с её мегаполисами – «миллионниками» – это весьма средний городишко, который иногда даже забывают упомянуть в общей статистике. То далеко не Нижний Новгород, Воронеж, Ростов-на-Дону, Екатеринбург или Новосибирск.

Калуга в прежние времена была городом, населённым, в основном, рабочими местных предприятий, квалифицированными специалистами из научно-исследовательских институтов, служащими учреждений бюджетного профиля, конструкторских бюро и т. д. Но к настоящему моменту, в связи с крахом социалистической модели управления страной, контингент жителей существенно изменился. Бурное развитие торговых отношений привлекло в Калугу множество переселенцев из бывших советских республик, а ныне независимых государств из Средней Азии и Закавказья. И значительное количество этих мигрантов сумело быстро адаптироваться к новым условиям жизни, обзавестись семьями и, так сказать, «пустить корни на русской земле».

С другой стороны, отнюдь не самая мудрая реформаторская политика, проводимая в 1990-е годы, заставила в поисках работы и лучших условий перебраться в Калугу и активную часть населения более мелких городов, расположенных в границах области, а также с соседних территорий – Брянщины или Орловщины. Естественно, что чем ближе к Москве, тем больше возможностей найти себе достойное применение, избежать бедного прозябания в глухой провинции – с развалившимися колхозами, обанкротившимися предприятиями и непригодной к функционированию сферой ЖКХ. Некоторые из этих людей, продав часть своего бывшего имущества, сумели купить новые квартиры в Калуге, а другие – просто ограничились арендой жилья, доступного им по своей стоимости.

А что же стало, хочется спросить, с теми самыми коренными жителями Калуги, которые родились и выросли в этом городе на берегу Оки?

Кто-то из них состарился, уйдя на пенсию, и замкнулся в пространстве своих небольших и не самых комфортабельных квартир. Прочие горожане, ещё продолжают работать на старых заводах, или, освоив новые специальности, трудиться в корпусах «Самсунг электроникс», в цехах концернов «Рено» и «Вольво», начавших производство некоторых моделей автомобилей на калужской земле. Есть и такие, которые не гнушаются запаха резины, часами не отходят от конвейеров, ежедневно выпускающих качественные шины марки «Континенталь».

Определённые группы людей, конечно, выбрали для себя и более приятное занятие – службу в административно-бюрократических учреждениях, заметно «расплодившихся» в начале 2000-х годов. А кому-то, не мудрствуя лукаво, пришлось встать за прилавки магазинов, «сесть за баранки» машин, доставляющих товары в торговые предприятия, устроиться водителями автобусов, троллейбусов и такси.

Молодёжь... Она ещё осталась в Калуге. Благо, что здесь сохранилось достаточное количество учебных заведений, обеспечивающих образование на вполне достойном, по российским меркам, уровне. Некоторые из них сумели, если можно так выразиться, перепрофилироваться, начать готовить и выпускать специалистов по современным профессиям, востребованным на сегодняшний день – экономистов, юристов, банковских служащих, менеджеров и бухгалтеров.

Однако, вся ли эта молодёжь остаётся работать в Калуге? Конечно, нет. Большинство из них затем «переманивает» к себе Москва. Более высокая шкала доходов – весьма серьёз-

ный аргумент, с которым трудно поспорить. Впрочем, многие из этих молодых людей и сами хорошо понимают, что гораздо лучше заработать приличные деньги в Москве, чтобы затем их с пользой потратить у себя на родине. От богатой столицы до Калуги, как говорится, «рукой подать». Каких-то 170 или 180 километров! Разве это дистанция для необъятной России?! Быстроходный поезд-экспресс, с мягкими сидениями и кондиционерами, легко преодолевает её чуть более чем за два половиной часа.

Конечно, есть и те, кто перестаёт часто ездить в Калугу, привыкнув к своему арендуемому жилью, воскресному «шопингу» и культурно-развлекательным мероприятиям в столице. Для наиболее удачливых из них Москва становится «новым жизненным трамплином», открывающим далёкие перспективы развития в будущем...

А теперь, как выразился бы наш уважаемый и незабвенный Михаил Сергеевич Горбачёв, будем «итожить». Получается, что ответить на вопрос, сколько людей ныне постоянно проживает в Калуге довольно сложно. Можно только сказать, что количество населения в городе варьирует в зависимости от будничных и выходных дней, а также фактора сезонности. Зимой в Калуге, как мне самому пришлось однажды убедиться, царит спокойная и умиротворяющая тишина.

Природное окружение кажется созвучным неприметному, но уютному и отчасти меланхолическому городскому ландшафту. В Калуге не так много ярких достопримечательностей. Это не Владимир, Ярославль или Смоленск, с их древними историческими памятниками. Музеи Калуги куда скромнее, они не столь богаты ценными экспонатами или всякого рода интересными раритетами. Но здесь, между тем, жил и работал Эдуард Циолковский – замечательный учёный и мыслитель, предсказавший создание летательного аппарата, способного вывести человека на околоземную орбиту. Память о нём и поныне продолжает жить в сердцах калужан. Поэтому в городе в советские годы был специально построен замечательный Музей космонавтики, в своём роде уникальный для России. Хранящимися в нём моделями звёздных кораблей, сооружёнными талантливыми конструкторами, луноходами можно поистине любоваться не один раз. Думаю, они, наверняка, понравятся или даже вызовут искреннее чувство восторга не только у знатоков современных научных достижений, но и не искушённых в этих вопросах широких масс любознательной публики.

Музей Космонавтики (фото автора начала 2000-х годов)

Калугу, в советское время, очень полюбили кинематографисты. Трудно сказать почему, но, может быть, причиной тому стал естественный всхолмлённый ландшафт, придающий местным улицам какую-то удивительную живописность. Те панорамные виды, которые открываются с отдельных калужских перекрёстков, сами по себе подобны сценическим площадкам. Да и купеческая архитектура в Старом городе сохранилась до наших дней в относительной сохранности, не утратив своего былого очарования.

Ещё в сталинские годы в Калуге снимали «Бесприданницу» по одноимённой пьесе прославленного русского драматурга А.Н.Островского. На этой киноплёнке сохранились редкие кадры, демонстрирующие то, как город выглядел в далёкие 1930-е годы. Но всем нам, родившимся в середине и третьей четверти прошлого столетия, наверное, более памятна двухсерийная комедийная лента «Карнавал», с талантливой актрисой Ириной Муравьёвой в главной роли. Её отдельные эпизоды также снимали в Калуге. И как тут не вспомнить коронную фразу героини фильма, тщетно пытавшейся научиться кататься на роликовых коньках. «Ну что за город, одни горы да пригорки!» – так, кажется, дословно, сокрушалась она, пытаясь удержать зыбкое и хрупкое равновесие на наклонных тротуарах.

В Калуге чувствуешь себя как-то легко и раскованно. Иногда, в тёплую пору, так приятно подышать влажным «приокским» воздухом. И разве можно отказать себе в желании совершить длительную пешую прогулку по улицам и небольшим переулкам в центральной части города. А потом, заметно устав от ходьбы, отыскать уединённую скамейку в тенистом зелёном парке или сквере, чтобы немного передохнуть, уйти от посторонних взглядов и предаться собственным размышлениям.

Церковь Иоанна Предтечи на улице Кирова (фото начала 2000-х годов)

Когда я впервые посетил Калугу? ... Припоминаю, что это было уже достаточно давно. А если точнее, то где-то в самом конце 1980-х годов...

Глава I. Когда я впервые приехал в Калугу

В юности я никогда не покидал Москву надолго. Можно сказать, что мне нравилось почти безвыездно сидеть дома и только в летние месяцы выбираться на отдых к Чёрному морю. Однако, необходимость службы в рядах Советской Армии всё же заставила меня в один «прекрасный» день расстаться на определённый период времени с привычным существованием и родными улицами столицы.

...Через два года оказавшись вновь в Москве, я будто ощутил прилив сил и энергии. Мне словно вернули то, что у меня насильно забрали и никак не хотели возвращать. Я заметил, как изменился город за двадцать пять долгих и томительных месяцев моего отсутствия. Жизнь в Москве стала быстрее и наполнилась динамизмом.

Во всей стране в ту пору широко пропагандировали новую политику – так называемую «перестройку». Эту глобальную реформу затеял и стал активно проводить в СССР недавно избранный Генеральный секретарь Компартии – Михаил Сергеевич Горбачёв. И его смелые новаторские идеи, связанные с демократизацией в обществе, гласностью и отказом от преследования людей с альтернативными взглядами, уже вскоре дали некоторые положительные результаты.

Люди всё больше начинали мыслить самостоятельно, без посторонней помощи выбирать для себя жизненные приоритеты. Реабилитация жертв «сталинских» репрессий, громкое озвучивание ранее сокрытых чудовищных фактов из советской истории заставили критически взглянуть на своё недавнее прошлое даже закоренелых обывателей и ретроградов.

В 1987 году я поступил на исторический факультет МГУ и стал официально числиться студентом дневного отделения при кафедре «Истории и теории русского и зарубежного искусства». Экзамены прошли для меня, так сказать, «с большим напряжением». Дали о себе знать месяцы, проведённые в Армии, без книг и учебников. Но как бы то ни было, я справился с нелёгким испытанием. Конечно, мои будущие коллеги – сокурсники (преимущественно, женского пола) – были подготовлены значительно лучше меня. Кто-то до поступления в университет посещал кружки в музеях, другие – целенаправленно занимались с репетиторами. И что, пожалуй, самое главное – они располагали достаточным запасом времени для самосовершенствования. Мне же, волею обстоятельств, пришлось наполняться знаниями в предельно сжатые сроки.

Разумеется, о шедеврах архитектуры в русской провинции абитуриенты, успешно дошедшие вместе со мной до последнего экзамена (а конкурс в тот год был 9—10 человек на место), имели достаточно полное и ясное представление. Красоты Суздаля, Ростова Великого, Углича и Переславля-Залесского им уже приходилось видеть собственными глазами. Я же, как не стыдно теперь признаться, к тому моменту ещё ни разу так и не успел побывать на легендарной Владимирской и Ярославской земле.

«Новое мышление» быстро проникло в стены учебных заведений Москвы и, в частности, отразилось на характере деятельности подлинного храма науки – Московского университета на Ленинских горах. Парткомы утратили своё былое влияние и теперь уже не столь активно вмешивались в организацию учебного процесса, а также научно-исследовательскую деятельность молодых специалистов. Заметно расширился и круг тем, допустимых для защиты дипломов и кандидатских диссертаций. Но, пожалуй, лучшим достижением этого времени стало то, что у нас, как и, наверное, на других факультетах прославленного ВУЗа, сложилась удивительная обстановка доверия и взаимопонимания между ещё совсем юными студентами и опытными, хорошо знающими своё дело, преподавателями. «Воздух свободы», о котором долго мечтал почти каждый из лекторов МГУ, как бы заставил педагогов сразу же стать более добродушными и открытыми к публике. Былые страхи за свою будущую науч-

ную карьеру перестали довлеть над мыслящими людьми. И многие из них стали говорить о том, что прежде умалчивали или даже утаивали. Если всему советскому ранее, буквально, поклонялись, то отныне по этому поводу уже всё больше иронизировали. «Старый мир», можно сказать, ломался прямо у нас на глазах. Всё вокруг будто переворачивалось с ног на голову. И кто мог тогда подумать о том, что спустя десятилетия кое-кому из нас придётся не один раз пожалеть об этом!

Свобода слова ещё отнюдь не гарантировала сытой и хорошей жизни. Она лишь вселила надежду на более светлое будущее для подрастающего в СССР нового поколения. А, между тем, страна приближалась к глубокому кризису и, если даже будет корректным произвести, экономическому краху. Первопричиной тому стало резкое падение на мировых биржах цен на нефть и прочие энергоносители, на то, что, в первую очередь, наполняло скрытые «закрома родины» и гарантивало людям пусть скудный, но достаточно стабильный доход. С полок универсамов всё чаще стали исчезать ранее привычные для населения продукты. Товары потребительского спроса тоже начали превращаться в дефицит, за которым нужно было долго и упорно гоняться.

Однако, всё это было где-то далеко за стенами университета. Здесь же этого почти не замечали или старались не замечать. Преподаватели всецело отдавались избранному ими предмету и всеми силами старались вызвать ответный интерес у слушателей. А студенты, устремлённые к новому знанию, едва поспевали за их мыслью и старательно конспектировали каждую из прочитанных лекций. Иными словами, все продолжали трудиться с не меньшим усердием, «грызть твёрдый гранит науки».

Большинство работающих и учащихся на кафедре искусствоведения объединяла безграничная любовь к произведениям отечественной и зарубежной живописи, желание изучать национальное культурное наследие и памятники архитектуры. Ещё задолго до того, как я оказался на историческом факультете, при вышеназванном отделении, входящем в его состав, была образована самодеятельная организация – так называемое, научно-студенческое общество (сокращенно, его называли просто НСО). Им руководили молодые преподаватели, а также наиболее «продвинутые» студенты третьего или четвёртого курса обучения. Одной из самых важных функций НСО была разработка маршрутов экскурсионных поездок по Подмосковию и близлежащим областям с целью изучения разрушающихся год от года в забытых селениях церквей, остатков или руин, когда-то благоухавших дворянских усадеб. Помимо того, в программу этих «вояжей» могло включаться и посещение более крупных населённых пунктов – городов, интересных своими музеями и образцами старинного русского зодчества.

Путешествия осуществлялись на небольшом автобусе, арендованном в автопарке МГУ на скромные финансовые средства кафедры и добровольные пожертвования студентов и преподавателей. Покрывались, по сути, только расходы на бензин и зарплату водителя. Всё остальное делали избранные для той или иной поездки в качестве гидов представители НСО. Пребывание в гостинице, в случае двухдневных поездок, участники экскурсий оплачивали самостоятельно. Вопросы питания каждый из студентов тоже мог решать так, как ему позволял собственный кошелёк. Кто-то брал с собой в дорогу рюкзак, наполненный разного рода «пожитками» – пакетами с бутербродами, консервами, хлебобулочными изделиями, термосами с чаем, эмалированной посудой и кипятивниками. А кому-то всё это собирать в дорогу было просто лень, и он питался так называемым «подножным кормом» – пользовался вежливым угощением друзей или забегал в придорожные кафе во время кратких стоянок по пути следования автобуса.

Не могу сказать, что я был заядлым любителем этих поездок. В них собиралась уж слишком культурная и благопристойная группа людей – энтузиастов своей профессии. Их одержимость научным знанием была тогда мне не совсем сродни. В запахе предметов ста-

рины я ощущал некий привкус нафталина, хотя и смотрел на них внимательным и пытливым взглядом будущего историка. В ту пору моя душа «жаждала» совершенно другого. Мне не хватало какого-то «живого огонька» – того самого, который мог бы разбудить меня после скучной и утомительной рутины двухлетней армейской службы.

Тем не менее, я не хотел показаться «белой вороной» среди моих новых коллег. И время от времени мне было приятно провести выходные в компании со студентами с разных курсов, в интересном и зачастую откровенно полезном общении. Оно не только устраняло «пробелы» в моём знании, но и расширяло кругозор, позволяло отыскать для себя определённые направления для интеллектуального развития в будущем. Я не был хорошим знатоком, но чувствовал в себе большой потенциал для совершенствования.

Вот, собственно, так мне и довелось побывать в первый раз в Калуге. Если бы не любезное приглашение от коллег из НСО, то я, наверное, ещё долго ничего бы не знал об этом симпатичном провинциальном городе, недалеко отстоящем чуть к юго-западу от Москвы.

Хорошо помню, что эта экскурсия в Калугу состоялась в канун празднования очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и была двухдневной. В прежние времена дата 7 ноября была отмечена красным цветом на всех календарях. Для жителей СССР это был один из самых памятных дней в году. Его любили и порою отмечали с широким размахом. У большинства населения городов провинциальной России день по традиции начинался с телевизионной трансляции с Красной площади – военного парада, с проходом торжественным маршем лучших войсковых соединений и последующим движением стройными рядами эффектных образцов военной техники отечественного производства. Народу как бы давали понять, что Советская власть прочна и нерушима, Армия надёжно защищает и хранит завоевания социализма. В распоряжении её находится серьёзное боевое оружие. Или, как говорится более простым языком, «броня крепка и танки наши быстры».

После просмотра военного парада люди обычно начинали готовиться к праздничному столу. Его неизменными атрибутами были крепкие спиртные напитки и столь любимый на просторах нашей необъятной родины салат-оливье, в приготовлении которого каждая из хозяек по-своему изощрялась.

День 7 ноября служил также в некотором роде «разминкой» перед новогодним гулянием. Трудовой народ как бы получал возможность немного расслабиться после череды хмурых осенних дней, порадоваться первому снегу и приходу в наши края пусть холодной, но столь желанной зимы – с её лыжными прогулками, ледяными катками и весёлым катанием с гор. До Нового Года было, конечно, ещё достаточно далеко, но люди уже как бы предчувствовали это событие.

8 ноября, если случайно не выпадало на выходной, считалось уже обыкновенным рабочим днём. Подавляющее число людей, после праздничного стола, обычно снова включало телевизор с целью увидеть интересный фильм или концертную программу. Однако, у определённых групп населения, по большей части молодого возраста, эта череда развлечений продолжалась и в тёмное время суток. Кому-то не нужно было рано утром вставать на работу, а учёбу, в случае необходимости, просто игнорировали. Недостаточный запас спиртного за ужином заставлял тех, кто не мог остановиться, выбираться из своих жилищ на холодные улицы в поисках дополнительных порций горячительных напитков. Дальше, как нетрудно догадаться, всё перетекало в своём роде «вакханалию». Люди неожиданно становились агрессивными и в них будто просыпались ранее сокрытые языческие инстинкты. Вольно или невольно они втягивались в совершенно ненужные им конфликты и, проще говоря, «наживали себе лишние проблемы». Кто-то появлялся на следующий день на публике с заметными следами вчерашнего веселья – с синяками под глазами или ссадинами на лбу и щеках, а некоторые просыпались утром в «обезьянниках» местных отделений мили-

ции. И революция, тут была уже вовсе не причём. «Бунтари» полностью забывали о том, что они так бесшабашно отмечали накануне.

Что же касается доблестной советской милиции, то для неё 7 ноября зачастую был тревожным и напряжённым днём, совсем не похожим праздник. Некоторые из рядовых сотрудников, после дежурства, буквально, валились с ног от усталости.

...Мы приехали в Калугу около полудня. Автобус притормозил возле центральной гостиницы города, расположенной на улице Кирова (это название я мимоходом прочитал на табличке, красовавшейся на торцевой стене).

Здание представляло собой характерный образец невыразительной архитектуры «хрущёвско-брежневской поры». Плоский фасад, заметно, вытянутый по горизонтали и лишённый, так сказать, всякого рода архитектурных излишеств. Бетонные панели светло-серого цвета в сочетании с широкими ленточными окнами. Достаточно безвкусно оформленный козырёк над лестницей, ведущей к входным дверям. Как, наверное, выразился бы, не лишённый чувства юмора интеллигент или острый на язык журналист «одна из последних открыжек советского конструктивизма».

Мы прошли в просторный вестибюль, взяли у администратора стопку бланков для оформления и начали заполнять их небрежным и корявым почерком. В одном из разделов документа, под надписью «цель приезда» я нацарапал шариковой ручкой слово «туризм». Закончив всю эту несложную процедуру, мы получили карточки гостей, ключи и быстро разошлись по закреплённым за нами номерам. Кто-то попросту бросил сумку с вещами, а иные даже успели выпить кружку горячего чая, воспользовавшись привезённым из Москвы электрокипятильником. Все знали цену времени. Осенью сумерки наступали достаточно рано, а кому не хотелось полюбоваться городскими достопримечательностями ещё при свете дня. Поэтому каких-то 20—30 минут спустя, наша группа вновь в полном составе собралась в автобусе. Водитель нажал на педали, и мы, наполненные приятными ожиданиями, тронулись в путь.

Как и во многих других городах СССР, в Калуге тоже была площадь Ленина. У её подножия, с одной стороны, стояло железобетонное здание местного Горкома и неизменная скульптура бессмертного вождя пролетариата. Прямо сказать, не радующая глаз картина! Однако, на противоположной стороне площади, я вдруг увидел нечто оригинальное – то, что искренне поразило меня как прирождённого любителя архитектуры.

Гостиный двор (фото автора начала 2000-х годов)

– Перед нами Гостиный двор, – услышал я слова одного из студентов, который вызвался быть гидом на нашей экскурсии.

«Какая красота! – кажется, мысленно произнёс я. – Настоящая псевдоготика!»

Этот оригинальный архитектурный стиль глубоко полюбился мне вычурностью своих деталей ещё в Петербурге, при посещении капеллы в Петергофе, а затем уже в Москве, при осмотре костёла, находящегося где-то неподалёку от метро «Краснопресненская». Однако то были образцы типичного западного вкуса, воссозданные по специальному заказу в русских столицах. Здесь же, в Калуге, перед моими глазами открылось то, что, скорее, больше напоминало ту «ложную готику», которой иногда следовали в своих проектах выдающиеся московские зодчие – В. Баженов и М. Казаков. У меня в памяти сразу же всплыл образ Путьевого дворца на Ленинградском шоссе, фигурный мост и павильоны в недостроенном парке-усадьбе «Царицыно». Внешне, это больше ассоциировалось с древнерусской архитектурой, частично дополненной элементами из западноевропейского «художественного арсенала».

Между тем, наш доморощенный гид всё более конкретизировал:

– Проект Гостиного двора в Калуге разработал в 1780-х годах московский зодчий Пётр Никитин. Столь необычный выбор архитектурных форм и мотивов был связан с весьма конкретным обстоятельством. Существует предание, что первый калужский наместник и фаворит русской императрицы Екатерины Великой Михаил Кречетников располагал некоторыми чертежами оригинального «царицынского» дворца в предместьях Москвы, который соорудил, но так и не сумел полностью осуществить прославленный мастер Василий Баженов. Наместник, якобы, однажды и передал эти графические листы Никитину, чтобы дать ему возможность ознакомиться с теми новшествами, которыми придворный зодчий хотел удивить царицу. Тот же, в свою очередь, глубоко проникся новыми архитектурными идеями и творчески «переработал» замысел В. Баженова, введя в свой будущий проект ряд элементов из древнерусского зодчества и «нарышкинского» барокко. Так, например, характерные столбы-кубышки, поддерживающие арки сводов в обходных галереях, можно рассматривать в качестве «реплики» на аналогичные декоративные мотивы в двух известных калужских постройках более ранней поры – палатах Коробова и храме Покрова «на Рву». Мы их ещё увидим сегодня. А вообще, этот архитектурный стиль можно определить как «псевдоготику». В России, насколько известно, не были распространены формы готической архитектуры. Этот стиль возник и успешно развивался в европейских странах, напрямую связанных с католицизмом. Здесь же речь может идти только о заимствовании отдельных приёмов или мотивов. У нас понятие «готики» долгое время трактовалось достаточно широко. В конце XVIII столетия оно, по сути, включало в себя всё, что было так или иначе связано с допетровским зодчеством, эпохой Средневековья в целом. Поэтому и ассортимент форм, в определённом смысле, ничем не ограничивался. Зодчие могли достаточно свободно экспериментировать».

Далее наш докладчик позволил себе сделать небольшую паузу, дабы заглянуть в тетрадку с собственными записями. Вскоре он продолжил:

– В 1778 году, по указу Екатерины II, было решено снести деревянные торговые лавки и на их месте построить каменный Гостиный двор. Специально для этого в Калуге было образовано коммерческое финансовое товарищество, в которое вошли наиболее видные в городе купцы, располагавшие весьма солидными по тем временам капиталами. У всех на устах были фамилии Золотарёвых, Макаровых, Антипиных, Билибиных и Фалеевых. Именно они взяли на себя бремя основных расходов.

Первоначально, зодчий Пётр Никитин предполагал возвести 20 корпусов, частично украшенных остроконечными «готическими» башенками. Строительный участок должен был быть поделён на четыре части, в каждую из которых вошли бы по пять корпусов, разделённых между собой перпендикулярными проездами. В плане ансамбль тяготел к классической форме прямоугольника, вытянутого по линии север-юг. Со всех сторон корпуса построек должна была окружать мощная аркада с двумя воротами, украшенными в завершении фигурными готическими щипцами.

Однако, при жизни Пётр Никитин успел отстроить лишь два южных павильона. Они датируются периодом 1784 – 1789 гг. В 1796 г., по планам зодчего, возвели ещё два северных и один юго-восточный корпус.

Фрагмент с торцевыми корпусами Гостиного двора (фото автора конца 1990-х годов)

Гид указал на эти постройки жестом, чтобы позволить нам лучше сориентироваться на местности и обратить внимание на сохранившиеся, наиболее старые части торгового сооружения. Я тоже решил полюбоваться архитектурным памятником более пристально. На фоне «охристого» цвета штукатурки эффектно выделялись массивные белые столбы, через которые были изящно перекинuty высокие стрельчатые арки. Здание явно требовало ремонта. Штукатурка была заметно «обшарпана», а местами попросту осыпалась. Тем не менее, это ничуть не умаляло достоинства оригинального сооружения, которое, словно, «дышало стариной», демонстрировало образец тонкого художественного вкуса.

– В начале XIX века экономическая ситуация в России изменилась не в лучшую сторону, – продолжил наш экскурсовод. – Купцы стали более прижимистыми и начали удерживать деньги, необходимые для строительства каменных торговых лавок. Кого-то из них смущала только дороговизна предстоящих работ, а кто-то сетовал ещё и на то, что проходы между корпусами, дескать, слишком узкие для того, чтобы обеспечить беспрепятственный подвоз и разгрузку товаров.

И всё-таки компромиссное решение было найдено. Новый калужский губернский архитектор Иван Ясныгин отозвался на справедливые замечания и просьбы купцов. Он несколько уменьшил на плане ширину строений, увеличив тем самым ширину проходов. Более того, архитектор заметно сократил финансовые траты за счёт того, что вместо 20 ранее задуманных ограничился возведением лишь 14 торговых корпусов.

Докладчик слегка поперхнулся. Затем, он перевёл дыхание и уверенно закончил свой короткий рассказ:

– Самые последние три корпуса Гостиного двора достраивал уже в 1824 году архитектор Николай Соколов. Полностью отстроенное здание, по большей части, отошло во владе-

ние калужского купечества. Лавки и помещения в нём начали передаваться по наследству. Но что-то, на благотворительных началах, было выделено и под нужды городского общества. Насколько известно, самым крупным в калужском Гостином дворе стал магазин купца Антипина, с книжной и писчебумажной продукцией.

– Хочу ещё немного добавить к сказанному, – неожиданно произнесла одна из девушек. Имени её я тогда не знал и, честно говоря, не вспомню и сейчас. – Эти торговые ряды посещал ни кто иной, как писатель Николай Васильевич Гоголь.

– Да ну, – ответил кто-то невпопад.

– Каким ветром его могло занести в эту глухую провинцию? – подхватил другой голос.

– Он вроде бы был родом с юга, из Малороссии. А так жил в Петербурге, – заметил один из студентов, с оттенком некоторого сарказма в голосе.

– А вот и нет, – ничуть не смутилась девица в куртке неброского зеленоватого цвета. – Он приезжал в Калугу по приглашению А. О. Смирновой-Россет – своей давней подруги и на некотором этапе супруги калужского губернатора. Из воспоминаний отдельных лиц, можно узнать, что Гоголь иногда целыми днями бродил по городу, всматриваясь в фасады городских домов, внимательно изучал быт и нравы местного населения, выискивал среди людей наиболее интересные типажи. Краеведы поговаривают, что именно в Калуге Николай Васильевич вёл активную работу по написанию второго тома «Мёртвых душ», и в доме у Смирновой-Россет, в узком кругу лиц, однажды состоялось прочтение нескольких глав его будущей книги.

– Понятно. Но какое отношение всё это имеет к торговым рядам? – поспешил кто-то из студентов с вопросом.

– Гоголь частенько заглядывал и сюда, – пояснила девушка. – Смирнова-Россет писала в своих мемуарах, что он перезнакомился в Гостином дворе со всеми купцами и лавочниками. У некоторых из них он даже подолгу засиживался за партиями в шашки. Гоголь любил заходить в книжные лавки Грудакова и Антипина, просматривая новые поступления книг и журналов. И вот тут-то однажды с ним и приключилась весьма забавная история. Если хотите, расскажу...

Многие утвердительно закивали головами.

– Так вот, – продолжила рассказчица, – Николаю Васильевичу очень нравилось облачаться в белую пуховую шляпу. По ней его легко узнавали калужане. Но в один из дней приключился нелепый конфуз. Сильным порывом ветра шляпу сбросило с головы писателя и, словно по закону подлости, она оказалась в грязной луже. Не желая долго оставаться без головного убора, Гоголь поспешил зайти в ближайший магазин Почапина, чтобы купить себе новую шляпу. Старую же, испачканную в грязи, он тоже захватил с собой. А уже потом, по своему обыкновению нанося визит в магазин Антипина, позабыл её там. Трудно сказать, была это или легенда, но по свидетельству некоторых калужан эта шляпа бережно хранилась в кладовой у Антипиных, пока окончательно не истлела от сырости. А кто-то поговаривал даже, что купец на протяжении ряда лет специально держал эту шляпу в витрине своего магазина ради того, чтобы завлечь к себе как можно больше покупателей. Такие уж забавные истории могли случаться в маленьких провинциальных городах...

Все посмотрели друг на друга и весело улыбнулись, а затем поблагодарили рассказчицу за то, что она привела столь интересные подробности, никому ранее не известные. Окончательно заинтригованные, теперь мы просто не могли отказать себе в удовольствии немного погулять по обширному внутреннему пространству калужского Гостиного двора, заглянуть в ещё функционировавшие накануне праздника магазинчики, побродить под красивыми сводчатыми конструкциями обходных галерей, чтобы, так сказать, «ощутить фибрами своей души чарующий аромат давно ушедшей в небытие эпохи».

Через эту арку проезжает городской транспорт (фото автора конца 1990-х годов)

Здание Гостиного двора в Калуге, действительно, произвело на меня сильное впечатление. Честно сказать, я никак не ожидал увидеть в захолустном провинциальном городе нечто подобное...

После осмотра Торговых рядов, вся группа в полном составе собралась возле памятника Ленину. Убедившись в том, что никто из студентов не отстал и не потерялся, мы опять заняли места в автобусе и проехали несколько кварталов по улице сквозь широкую арку какого-то масштабного и представительного здания старой постройки.

– Это Присутственные места, – пояснил мне сидящий поблизости от меня сосед. – Тоже интересный памятник эпохи классицизма.

Я, машинально, кивнул ему головой. Студент, вероятно, подыскивал себе компаньона для вечерней беседы за чашкой чая.

Калуга, честно признаться, это сравнительно небольшой город. По сравнению с Москвой, расстояния здесь смехотворные. Почти всю центральную часть Калуги можно преодолеть в процессе одной-единственной пешей прогулки, лишь к её концу почувствовав некоторую усталость.

Мы ехали, наверное, не более трёх-четырёх минут, а затем автобус снова остановился для того, чтобы высадить всю нашу группу на улицу.

– Теперь бегло осмотрим старинные палаты купцов Макаровых, – сообщил нам молодой преподаватель, осуществлявший руководство экскурсией. – Затем проедем к палатам Коробовых и церкви Покрова «на Рву». Думается, до наступления сумерек мы больше ничего не успеем. Поэтому, попрошу не задерживаться и вовремя вернуться в салон автобуса. Предупреждаю, специально никого дожидаться не будем.

Многозначительные взгляды студентов были свидетельством того, что все хорошо поняли своего наставника.

Палаты Макаровых стояли с некоторым отступом от «красной линии». Перед ними существовало некое подобие двора, ничем не огороженного и смыкающегося с пространством улицы. Тем не менее, здесь было вполне достаточно места для того, чтобы группа экскурсантов могла стать полукругом и видеть перед собой рассказчика. В качестве последнего снова выступил студент с третьего курса – тот самый, который чуть ранее познакомил нас с историей и архитектурными особенностями Гостиного двора.

Среднего роста паренёк, с чуть выющимися волосами, обвёл взглядом группу и, убедившись в том, что его готовы слушать, приступил к рассказу.

– Перед нами, как вам уже сказали, палаты Макаровых, – произнёс с некоторой наигранностью в голосе авторитетный член НСО. – Они были построены в 1728 году. С одной стороны, это один из самых поздних образцов белокаменных палат в России, а с другой – прекрасный образец раннего барокко, архитектурного стиля пришедшего к нам из Европы при императоре Петре I. Заказчиком постройки выступил купец 1 гильдии Никифор Макаров, достаточно успешно торговавший сукном в первой половине XVIII столетия. Как и многие другие калужские купцы той поры, он, по вероисповеданию, принадлежал к числу «раскольников» или старообрядцев.

Докладчик повернулся вполборота к слушавшей его публике и с видом профессионала указал рукой на фасад:

– Если говорить об интересных особенностях этого здания, то, прежде всего, нужно указать на то, что в нём впервые в калужском жилом зодчестве применялся архитектурный ордер. Украшение фасадов пилястрами было ярким новшеством для русской провинции. Между тем, многое ещё роднит эти палаты и с традициями прошлой эпохи. Так, например, здесь нет строгого принципа в оформлении. Каждый из фасадов выглядит по-разному. Обратите внимание, что некую привлекательность зданию придаёт крылечко – двухъярусное, с низкими приземистыми столбами и аркой в завершении. К счастью, палаты сохранились до наших дней без значительных искажений. Разве что пострадали декоративные обрамления окон, а с улицы к зданию была пристроена, ведущая на второй этаж, деревянная наружная лестница,

Наш экскурсовод снова встал лицом к аудитории:

– Вот, пожалуй, и всё, что мы знаем об этом памятнике. Упомянув о купцах Макаровых, следует заметить, что калужанам, наверное, лучше известен более поздний представитель этого богатого семейства – Михаил Антонович. По его самоличному проекту в городе в 1807 году были устроены первый водопровод и фонтан, используемый для санитарных и противопожарных нужд. Купцу это обошлось в приличную по тем временам сумму в 700 рублей. Фонтан некогда располагался на старой площади, прямо у Гостиного двора, а уже в 1886 году, после обустройства централизованного городского водоснабжения, его перенесли на новое место – в Городской парк.

– Спасибо, за столь любопытные подробности и факты, – поблагодарил студента молодой преподаватель. – Давайте теперь обойдём здание вокруг и сделаем несколько фотографий себе на память. Кто знает, возможно, они и пригодятся вам впоследствии, при изучении архитектуры «петровской эпохи».

Палаты Макаровых (фото автора конца 1990-х годов)

Студенты-искусствоведы достали свои фотоаппараты и занялись уже привычным для себя делом. Я, к сожалению, в тот раз отправился в Калугу, так сказать, «налегке». И мне ничего не оставалось, как ограничиться чисто визуальным обследованием старинного памятника зодчества.

Я настолько увлёкся, что даже не заметил, как они появились. Наверняка, вы спросите меня, кто? Две женщины средних лет. Жительницы Калуги.

– Добрый день! С наступающим праздником вас, молодой человек! – послышался неожиданно бодрый голос.

– И вас также с праздником! – машинально произнёс я в ответ.

– Никак домом нашим интересуетесь?

– Да, – признался я. – Таких в наши дни осталось уже немного. Старинный памятник русской архитектуры.

– Вы, наверное, из Москвы? – спросила вторая женщина, по-видимому, среагировав на мой немного учёный вид. В ту пору я неизменно носил очки и небольшую бородку.

– Да, из самой столицы. Приехали к вам на пару дней.

– Ясенько. А мы вот тут постоянно живём. В этом самом, так сказать, памятнике архитектуры.

– Повезло вам! – решил чуть приободрить женщин я.

Но одна из них в ответ лишь всплеснула руками.

– Да не особо, – призналась другая калужанка. – Может быть, загляните к нам на угощение. Мы гостям всегда рады. И праздник, к тому же, завтра.

Я чуть повернул голову и заметил свою сокурсницу, проходившую мимо меня. Она демонстрировала полную индифферентность или умело делала вид, что не слышит нашего разговора.

– Неудобно как-то, – замаялся я. – Всё-таки, мы с вами раньше никогда не встречались.

– Ну и что ж такого. У нас всё по-простому. Без церемоний.

Я оказался в слегка неловком положении. Отказываться теперь было уже поздно. Мне отнюдь не хотелось создать в воображении этих милых дам портрет чопорного и высокомерного москвича. С другой стороны, мне не следовало отбиваться от своей группы.

«Зайду ненадолго, – подумал я. – Обменяюсь парой фраз, поблагодарю за любезность и сразу же выйду обратно на улицу».

Я перешагнул порог вслед за хозяйками одной из квартир старинного дома. Вначале, мы оказались в какой-то тёмной прихожей, напоминающей чулан. Затем, передо мной открылась ещё одна дверь, и я увидел довольно просторное помещение, сплошь заваленное по всему периметру разнообразной хозяйственной утварью.

Между тем, посередине комнаты был накрыт праздничный стол. Вся его поверхность была плотно уставлена посудой, рюмками и стеклянными мисками с едой. Когда я присел на один из предложенных стульев, мне почему-то бросилась в глаза металлическая ванна, сиротливо висящая на кронштейне у входа. Она напомнила мне о раннем детстве. Такая ванна была у нас на старой даче в Ногинске. Летом меня в ней купали. Примитивное изделие, судя по всему, относилось ещё к поре 50-х годов. В дальнем углу комнаты стояла кровать с высокой железной спинкой. Похоже, она принадлежала к той же эпохе. На ней возвышались груды простыней и ручных полотенец.

В комнату прошёл ещё какой-то мужчина. Меня представили ему, и я учтиво поздоровался. Затем одна из женщин вытащила откуда-то солидных размеров бутылку, наполненную слегка мутноватой жидкостью.

– Отметим событие, как – никак, завтра очередная годовщина Великой Октябрьской революции, – предложила она.

Четыре рюмки быстро наполнили спиртным. Как я вскоре понял, это был настоящий домашний самогон. По традиции, мы чокнулись стопками и выпили. Вначале, я вроде бы ощутил привкус шипучего вина, но затем у меня чуть не перехватило дыхание. «Спотыкач» был, действительно, забористым.

После этого плавно перешли к закускам. Я положил себе на тарелку немного салата-оливье. Мимоходом, мне удалось оглядеть и другую «снесь», красовавшуюся на столе. Удивительно, но здесь не было ничего купленного в магазине – привычных для москвичей колбас, ветчин или балыков. Почти вся еда попала на стол из собственных погребов. Естественно, основу её составляли разного вида соления. Квашеная капуста, маринованные огурцы и помидоры, грибы и мочёные яблоки... Одним словом, всё самое необходимое для того, чтобы перебить вкус крепкого самогона.

Миновало ещё около пяти минут. Я с аппетитом откусывал салата-оливье и дегустировал винегрет. Само собой разумеется, мне уже хотелось вскоре откланяться, дабы не злоупотреблять гостеприимством калужан, но за столом послышалась дежурная фраза:

– Между первой и второй – промежуток небольшой!

Самогон опять разлили по рюмкам.

– Ну, за здоровье! – провозгласил новый тост мужчина.

Вторая стопка крепкого напитка уже более заметно подействовала на меня. Я ощутил лёгкое головокружение.

– Отведайте грибочков, молодой человек, – посоветовала одна из дамочек. – Из наших лесов, собственного посола.

– Спасибо, – ответил я и положил себе на тарелку из общей миски немного грибного ассорти. Лисички, опята, подосиновики... Щедрый дары калужской природы были для меня в «диковинку». В студенческие годы я просто не находил времени на то, чтобы прогуляться по лесу с корзинкой. Да и заниматься консервированием у меня дома никто не любил.

Я попробовал солёные грибы и по достоинству оценил их вкус. Чувствовалось, что они были приготовлены по народному рецепту.

– Мы живём скромно. Никаких изысканных угощений у нас нет. Питаемся, как говорится, чем Бог послал, – пояснила женщина. – А дом наш хоть и старинный, но не особо уютный. Горячая вода тут есть отнюдь не всегда, да и ремонт уже давненько не производился. Тут маленькие квартиры, принадлежащие разным хозяевам. Туалеты общие, а ванной комнаты у нас и вовсе нет. Всё мечтаем о переезде. Стоим на очереди на новую квартиру.

– Понятно, – покачал головой я. – О памятниках архитектуры у нас в стране не сильно заботятся. Отдают людям под коммунальное жильё и не думают о последствиях. А ведь это дом знаменитых калужских купцов Макаровых.

– Где же они теперь эти купцы, – махнула рукой женщина. – После революции в Калуге их и след простыл.

«Да, – подумалось мне. – Удивительное дело получается. В Европе люди, проживающие в старинном историческом здании, этим буквально гордятся, бережно охраняют его фасады. А у нас? Людей заселили в нереставрированные и совершенно не приспособленные для жилой функции палаты XVIII столетия, оставив их мучиться на долгие годы. Ведь разрешения на внутреннюю реконструкцию тут не получить. Всё под охраной государства. С одной стороны, вроде бы это хорошо. Свою историю надо уважать. Вот только непонятно, чем люди-то виноваты. Для чего их превратили в затворников, упрятав за массивными белокаменными стенами?»

Крепкое спиртное способствовало моему опьянению. Я, наконец, понял, что меня пригласили за праздничный стол исключительно ради компании, как собутыльника. Нужно было поскорее спастись. А то после определённой дозы самогона домашнего изготовления ноги могли и отказаться меня слушаться. Я сослался на то, что не располагаю достаточным временем. Жизнь туриста, дескать, подчинена строгому распорядку.

Хозяева, увидев, что я не привычен к спиртному, не стали настаивать. Одарив меня ещё одной рюмочкой самогона «на посошок», одна из женщин проводила меня до дверей, и мы по-доброму распрощались.

Ещё не начало смеркаться, но погода стояла несколько мрачноватая. Низкое осеннее небо затягивала плотная и почти непроницаемая пелена серых туч. Я неспешно перешёл на другую сторону улицы и углубился в какой-то старый городской квартал.

Ноги слушались меня не достаточно хорошо. Тем не менее, я почему-то ощущал во всём теле приятную лёгкость.

«Вероятно, сказывается действие „спотыкача“, – подумал я. – И угораздило же меня выпить эту адскую жидкость! Зачем? Совершенно непонятно. Можно было прикинуться трезвенником и вежливо отказаться. Нашего автобуса уже и след простыл. Теперь придётся на ногах „ползти“ до гостиницы. Любопытно было бы ещё узнать, где она находится?»

Я заметил двигавшегося мне навстречу мужчину. Судя по одежде, он был местным жителем.

– Здравствуйте! – окликнул его я. – Не подскажите, как дойти до гостиницы «Калуга»?

– Иди прямо и никуда не сворачивай. Как выберешься на улицу Кирова, сразу налево. Гостиницу увидишь на противоположной стороне.

– Спасибо, – ответил я и уже хотел продолжить свой путь, но мужчина внезапно остановился и произнёс:

– Слушай, погоди. А ты случайно не из попов?

По-видимому, незнакомый прохожий так среагировал на мою небольшую треугольную бородку, похожую на ту, которую обычно носят дьячки.

– Нет, – пожал плечами я с некоторым чувством недоумения.

– А почему тогда ты меня на «вы» назвал? Обычно, попы так говорят.

– Так просто, – улыбнулся я. – Из вежливости...

– Ааа..., – открыл рот прохожий.

Мне более не хотелось продолжать эту беседу. Я уже понял, что в этот предпраздничный день каждый разыскивал себе в компанию собутыльников или, в лучшем случае, жаждал найти человека, с которым можно было приятно пообщаться на сокровенные темы. В советские годы в провинции так уж водилось...

«Никаких приключений мне больше не надо, – твёрдо решил я. – Вот доберусь до гостиницы и растянусь на кровати. Организму нужен отдых».

Пройдя ещё немного, я огляделся. Незнакомец скрылся в пространстве какого-то двора. Я был совершенно один и меня окружал в своём роде удивительный городской пейзаж. Добротные купеческие домики в 2—3 этажа, с красиво вычерченными наличниками и непритязательным декором. Где-то, в перспективе улочки, пересекающей маршрут моего движения, просматривались купола церкви. Фантастика! Кажется, всё это напоминало специально воссозданную неизвестным режиссёром театральную декорацию. Я будто бы на машине времени, в мгновение ока перенёсся куда-то в прошлое, в дореволюционную эпоху.

Под воздействием крепкого алкоголя, домики у меня перед глазами слегка покачивались. Создавалось некое ощущение, что передо мной как бы медленно прокручивают ленту кинофильма. Но это была далеко не бутафория, а подлинная реальность!

Я, сам не зная почему, живо и отчётливо представил в своём воображении то, как эта улочка могла выглядеть столетием назад. Мне померещились бородатые мужики в тулупах, затянутые поясами, женщины в длинных пальто и цветастых платках поверх головы, извозчики с повозками, запряжёнными лошадьми, и городовые в форменных мундирах.

«Интересно, – подумал я. – А как справляли праздники в Калуге в царскую эпоху?»

К сожалению, история сохраняет в нашей памяти только самые яркие эпизоды. Иными словами, в летопись времён неизменно включают только те события, о которых не стыдно лишний раз упомянуть. А как же быть с жизнью простых обывателей, хочется задаться вопросом? Ведь она, на самом деле, и есть что ни на есть историческая правда. К сожалению, факты этой жизни зачастую потеряны безвозвратно или иными словами навсегда ушли от нас в пучину небытия. Поэтому честь и хвала тем людям, которые пытаются сохранить для потомков эти забавные подробности. Писатели, журналисты, краеведы – их вклад в историческую науку поистине неоценим. Говоря о Калуге, в этой связи, прежде всего, хочется отметить Е. Фридгельма и К. М. Афанасьева. Благодаря их стараниям, ныне стали хорошо известны несколько занимательных событий, о которых мне хотелось бы, непременно, поделиться с читателями.

В студенческие годы я ещё, конечно, не был знаком с дореволюционными периодическими изданиями и прочей мемуарной литературой. Мне удалось приобщиться к чтению этих материалов гораздо позже, через два десятилетия. Но что любопытно, многое из того, что я мысленно представлял, гуляя в состоянии лёгкого опьянения по тихим калужским улицам, самым удивительным образом совпало с той реальностью, о которой поведали документальные источники.

Каждый из нас, наверное, хорошо представляет себе, что почти все праздники до революции носили, преимущественно, религиозный характер. Причём, большинство жителей царской России хорошо знали общепринятый церковный календарь. Религия для людей была в некотором роде формой знания, в чём-то заменяющей объективное познание реальности. Грамотность среди населения Российской империи оставалась на предельно допустимом уровне. В Калужской губернии, например, по данным статистики, лишь около 50% процентов от общей численности населения умело читать и писать.

Однако, если бы церковь была в состоянии влиять на умы и поступки всего народонаселения! Так может думать только наивный человек, не способный глубоко понять и оценить загадочную русскую душу. О необузданном темпераменте русских купцов, проявлявшемся в дни праздников и народных гуляний, да и просто обычных мужиков, думаю, многие из нас слышали неоднократно.

Для небогатого люда в Калуге, как, вероятно, и во многих других городах царской России, устраивались достаточно незатейливые увеселительные мероприятия. Так известно, например, что на площади Старый торг публику некогда развлекал аттракцион «Медвежья комедия». Это была в своём роде мизансцена. Самые известные калужские медведи – с именами Зоя Ивановна и Мартын Иванович – изображали «как барышня стесняется кавалера» или «как в праздничный день пьяные на базаре шатаются». В конце выступления, неизменно, демонстрировалась борьба человека с медведем. Эта финальная часть как бы служила «гвоздём программы» и приманивала разношёрстную толпу горожан. Однако, при всей картинности зрелища, оно скорее напоминало о давно забытых традициях Средневековья – исконно славянских обрядах.

Под стать вышеописанным примитивным забавам были и шумные ярмарочные балаганы. Вот, к примеру, что констатировалось на страницах одной из самых читаемых в Калуге дореволюционных газет. Неизвестный автор статьи с некоторым чувством сожаления подмечал:

«...Приближающаяся пасхальная неделя будет у нас ознаменована, как всегда, устройством незатейливых народных развлечений на Сенной площади. Вероятно, появятся прежние „петрушки“, „безрукие художники“, „скрипучие фонографы“, „глотатели горячей пакли“, и будут слышаться плоские остроты балаганных клоунов. Короче, никаких изменений в этом направлении против ряда прежних лет. До разумных развлечений, хотя бы в образе народного театра, Калуге ещё не близко...¹»

Не радовали калужан и эпизодически проводившиеся в городе демонстрации произведений отечественного изобразительного искусства. В одном из местных периодических изданий, в частности, можно найти резюме следующего содержания:

¹ Цитировано по материалам книги: Афанасьев К. М. «Летопись провинции. XX век. Хроника событий в зеркале периодической прессы», Калуга, «Фридгельм», 2012, // из газеты «Калужские губернские ведомости» за 1901 год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.